

Под защитой тени его черты будто оказались под тонкой вуалью — даже свирепая старуха У не могла ясно разглядеть его сущность.

«У Ши! Ты творила зло и ещё смеешь просить о многодетности и благополучии рода?! Ты своими же руками оборвала вашу ветвь — и у тебя ещё хватает лица спрашивать?!»

Хэ Бяню было всего шестнадцать. Его голос обычно был мягким, тихим, таким, что его легко не замечали. Но сейчас, напрягшись, он прозвучал резко и чисто, как натянутая тетива — пронзительно, словно гром, ударивший по ушам всех присутствующих.

Старуха У вздрогнула так, будто ей ударили по спине, и почти рухнула на землю.

«Предок... я всю жизнь честно вела хозяйство... я всё делала ради семьи... в чём же моя вина?!» - растерянно и испуганно бормотала она, глядя на Хэ Бяня.

«У тебя сейчас остался только один сын, Тянь Далан. До него ты родила пять-шесть дочерей и мальчиков, и всех сразу после рождения выбрасывала в свинарник».

Слова повисли в воздухе.

Ван Саньлан и остальные резко повернулись к старухе У в полном шоке.

Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсинь, которые ещё недавно дрались, тоже застыли.

Старуха У с силой ударилась лбом о землю, причитая:

«Предок! В те годы был голод, взрослым самим еды не хватало! Как я могла их всех растить? Они всё равно родились бы для страдания... я просто избавила их от мучений... это был мой способ отплатить за десять месяцев беременности! Люди на грани выживания — кто бы не сделал так?!»

Чжан Мэйлинь сплюнула:

«И после такого ты ещё смеешь называться старшей? Если есть силы рожать — должны быть силы и растить! Девочек и мальчиков в свинарник? А Тянь Далана почему не туда же? Неудивительно, что у тебя рождаются одни дочери — это всё долги к тебе вернулись!»

Старуха У побледнела. Было видно, что слова попали точно в её тайные страхи: она и сама подозревала, что частые рождения девочек — это "расплата".

И тут Хэ Бянь снова произнёс:

«У Ши. Если ты продолжишь творить зло и попытаешься продать внучку работорговцам, в этой жизни тебе не будет добра, а после смерти ты попадёшь в восемнадцать уровней ада. Только если ты будешь хорошо относиться к своей внучке — твои грехи смогут быть смыты».

Старуху словно ударила молния в сердце. Лицо её побелело от ужаса.

«Я... я не посмею... я больше не посмею...» - она отчаянно кланялась.

Ван Саньлан, увидев, как она снова бьётся в земных поклонах, уставился на Хэ Бяня, словно тот был живым божеством, и с жадным блеском в глазах тоже спросил:

«Предок, а мне можно разбогатеть? Есть ли у меня в жизни шанс на богатство или чиновничью

удачу?»

Чжан Мэйлинь и остальные тут же уставились на него. Если таким, как он, ещё и удача улыбнётся — вся деревня Тяньцзя превратится в его добычу.

«Ван Саньлан. Ты умрёшь не своей смертью. В твоей судьбе нет ни богатства, ни власти».

Слова Хэ Бяня прозвучали без колебаний — как окончательный приговор.

И в этот момент все окончательно забыли прежний образ робкого, тихого мальчишки.

Ван Саньлан побледнел как полотно. Ноги у него подкосились, и он рухнул на землю — будто преступника уже поставили на эшафот, только он не знал, когда именно опустится лезвие.

Несколько мгновений он был в прострации, не слыша и не замечая чужих насмешек и злорадства вокруг. Очнувшись, он поспешно начал кланяться:

«Старый предок... прошу, благословите меня... умоляю, защитите меня!»

Старуха У тут же злобно рявкнула:

«Да кто ты такой вообще?! Ты из рода Ван, а не Тянь! Вечно издевался над людьми из нашей деревни, а теперь смеешь просить благословения у нашего предка?! Если такой смелый — зови своего родового предка из семьи Ван и у него проси!»

Обычно Ван Саньлан уже давно бы избил эту старуху за такие слова, но сейчас, под "взглядом предка Хэ Бяня", он лишь подавил ярость и снова ударился лбом о землю:

«Прошу старого предка о защите! Я обязательно сожгу вам много бумажных денег!»

Он говорил покорно, но в глазах уже не скрывалась жадность.

Если бы он смог подчинить Хэ Бяня и запереть его в подвале... разве это не означало бы, что он косвенно контролирует самого "предка" деревни Тяньцзя? Тогда и богатство, и власть всей деревни окажутся у него в руках. Разве может этот "предок" всё так точно предсказывать?

И в этот момент — глухой удар.

Ван Саньлан, погружённый в свои мысли, был отброшен ударом на несколько чжанов в сторону. В воздухе раздался сухой хруст — звук ломающихся костей. У всех расширились зрачки: тело Ван Саньлана врезалось в камыши и упало, делая глубокую яму.

Кто-то резко втянул воздух.

Все снова посмотрели на того молчаливого "дурака", который до этого казался незаметным — и теперь в их взглядах появился настоящий страх.

Ван Саньлан, скривившись от боли, был перекошен так, будто его тело разорвали пополам. Он с трудом поднял голову и посмотрел на Хэ Бяня.

И услышал:

«Ты умрёшь без целого тела».

Ван Саньлан воспринял эти слова как угрозу. Ему показалось, что Хэ Бянь полностью разгадал его намерения, и он в панике начал сам себе отвешивать пощёчины.

Глухие, тяжёлые удары по лицу звучали один за другим, но это не заставило Хэ Бяня снова открыть рот.

Ван Саньлан всё больше впадал в страх, ему казалось, что он стоит на пороге смерти. Однако остальные почти не обращали на него внимания — все взгляды были прикованы к Чжоу Ци.

Старуха У, всё ещё потрясённая, указала на Чжоу Ци:

«Он... он почему тоже стал таким сильным? Раньше этот дурак даже со мной справиться не мог».

Она не решилась добавить, что сама когда-то отобрала у него несколько лоскутов ткани.

Затем она посмотрела на Хэ Бяня. Чжоу Ци стоял у него за спиной — и выглядел, как страж, словно фигура с росписи на стенах храмов.

«Это точно знак предков! Он получил их наставление — вот и обрёл силу!»

Тянь Ваньсинь и Чжан Мэйлинь только сейчас словно прозрели. И правда — с чего это "дурак" вдруг перестал быть дураком и ещё обзавёлся такой странной силой?

Оказывается, это всё благодаря "благословию предков".

Оба побледнели от сожаления. Почему они с самого начала не поверили Хэ Бяню? Зачем вообще шли против него снова и снова? Это же они сами себя загнали в тупик!

И, как и ожидалось от матери и сына, в этот момент они удивительно синхронно рухнули на колени и начали яростно бить себя по лицу.

Чжан Мэйлинь дрожащим голосом сказала:

«Предок... спасибо, что не убили меня, недостойную потомка... дайте мне шанс исправиться... я правда была ослеплена глупостью... вы ведь пришли, чтобы наставить меня на путь истинный?»

Тянь Ваньсинь тоже хлопал себя по щекам:

«Предок, я был неправ... я заслуживаю наказания... прошу, дайте мне шанс служить вам и искупить вину!»

Остальные, увидев это, тоже начали наперегонки бить себя по лицу, умоляя о прощении.

Чжоу Ци с бесстрастным лицом смотрел на происходящее.

Они действительно раскаялись? Конечно нет.

Они просто испугались. А страх легко превращается в жадность — стоит появиться новой выгоде, и эти же люди снова первыми обернутся против Хэ Бяня.

Такие не заслуживают прощения.

Хэ Бянь холодно произнёс:

«Исправление видно не по словам, а по поступкам. Говорить умеют все. Ваши пути и ваши жизни — в ваших руках. Карма и воздаяние зависят только от ваших действий».

Его взгляд был холоден и спокоен, словно он смотрел на муравьёв — и в то же время в нём мелькала странная, почти неуловимая жалость.

Ван Саньлан, Чжан Мэйлинь и остальные вдруг заметили: выражение лица Хэ Бяня стало удивительно похоже на выражение Чжоу Ци... нет, на "защитника".

Словно тот дурак после "благословения" действительно начал перенимать черты "предка".

Когда всё наконец утихло, люди один за другим поклонились и разошлись, спеша в деревню разнести новость:

Хэ Бянь действительно умеет призывать предков — и это правда!

Хэ Бянь, дождавшись, когда люди разойдутся, посмотрел на яму в форме человеческого тела, которую только что выбил Ван Саньлан, и с запоздалой тревогой обратился к Чжоу Ци:

«А твою "сверхсилу" как вообще объяснять...»

Чжоу Ци спокойно ответил:

«Они уже всё объяснили».

Для всего, что выходит за пределы их понимания, люди всегда находят собственное объяснение. Чжоу Ци никогда не лгал, но, как Хэ Бянь не верил, что он "попаданец", а считал его просто дураком, так и деревенские, увидев его необычную силу, решили, что это "благословение предков".

Что касается "предка", о котором говорил Хэ Бянь, Чжоу Ци вообще не уловил никакой энергетической реакции. Он даже не ожидал, что этот парень сможет так ловко водить за нос столь грубых и опасных людей.

Судя по их словам и резкой перемене в поведении Хэ Бяня, Чжоу Ци пришёл к выводу: возможно, этот Хэ Бянь действительно переродился.

Хэ Бянь, не зная, что его уже почти "раскусили", наконец с облегчением выдохнул. Всё это время он был напряжён до предела, общаясь с людьми, которых раньше боялся. Теперь в ушах всё ещё стоял лёгкий гул.

Когда всё закончилось, он просто сел на землю, чувствуя, будто всё тело развалилось. Он пусто смотрел на колышущиеся камыши.

Как вообще эти камыши сложились в слова?

Откуда взялся тот внезапный ветер?

И почему Ван Саньлан сначала будто защищал его, а в итоге поймал Тянь Ваньсиня?

И ещё... сила Чжоу Ци явно выходила за пределы обычного человека. Он всё это время переживал, что Чжоу Ци посчитают "аномалией", но совершенно забыл, что сама ситуация уже

была крайне странной.

Мысли Хэ Бяня путались. После напряжения на лице осталось только запоздалое чувство страха. Он невольно закрыл лицо руками и глубоко вдохнул.

Эта схватка закончилась удачно. Теперь в деревне почти все поверили, что он может "призывать предков", и вряд ли кто-то осмелится его провоцировать.

Он открыл глаза — перед ним была тень.

Чжоу Ци присел рядом и смотрел на него.

Хэ Бянь попытался подняться, но ноги ослабли, и он снова сел. Чжоу Ци без усилий подхватил его.

Его ладонь легла на запястье Хэ Бяня.

И в тот же момент Хэ Бянь почувствовал, как слабость в ногах постепенно исчезает, будто в тело возвращается сила. Тревога и остаточный страх тоже рассеялись, оставив после себя лишь странное чувство облегчения и тихой, почти детской радости победы.

Чжоу Ци спокойно спросил:

«Можешь идти?»

Хэ Бянь высвободил запястье из его ладони. Этот "дурак" вдруг вёл себя как обычный человек — отвечал связно, действовал точно, даже в драке выбирал идеальный момент для удара. Если бы не его пинок, сбивший Ван Саньлана с ног, Хэ Бянь сам не знал бы, чем всё закончилось.

Похоже, этот "дурак" и правда больше не был дураком.

Что вообще происходит?

Неужели его действительно "позвали предки" и он стал вроде защитника?

Это же невозможно.

Мысли Хэ Бяня были спутаны и усталы — он не мог объяснить сразу несколько странностей. Но интерес к Чжоу Ци только усиливался.

И даже где-то внутри у него мелькнула мысль, от которой он сам вздрогнул.

«Кхм-кхм...»

«Опять урчит? Ты же утром уже съел пять цзиней риса и кусок вяленого мяса».

Эта мысль мгновенно испарилась. Хэ Бянь посмотрел на живот Чжоу Ци.

Он... его не прокормить.

Чжоу Ци ничего не сказал, а Хэ Бянь с тревогой добавил:

«Семья Тянь тебя тоже не прокормит... если так дальше есть, до урожая мы не дотянем».

Он помолчал и добавил:

«Но не переживай. Я буду заботиться о брате. Если у меня будет еда — у тебя тоже будет».

Увидев силу Чжоу Ци, он не думал использовать её — наоборот, переживал о пропитании. Чжоу Ци не понимал, это глупость или наивная доброта.

Он не верил, что в мире есть кто-то, кого не соблазнит абсолютная сила.

Хэ Бянь сказал:

«Пойду возьму корзину, наловим рыбы в реке. Ты такой худой... сегодня вечером попрошу Тянь Ваньсиня сварить тебе рыбный суп».

Он говорил уверенно, но когда действительно пришёл к реке с корзиной, то полдня ничего не поймал. Чжоу Ци сидел на берегу, а у него самого живот урчал всё громче.

Хэ Бянь серьёзно заявил, что рыба просто не идёт в корзину, потому что испугалась голодного живота Чжоу Ци, и велел ему отойти подальше.

Рыба в этой реке давно была "обучена" деревенскими детьми и стала слишком осторожной — не то что дикая рыба в горах. На такие простые ловушки она уже не попадалась.

Хэ Бянь возился долго и в конце концов с лёгкой неловкостью посмотрел на Чжоу Ци, сидящего на берегу.

Покрутив глазами, он придумал выход.

Он вышел с мокрой корзиной, затем быстро подбежал к Чжоу Ци и, словно вытаскивая что-то из корзины, протянул руки:

«Быстрее, держи! Огромный десятициновый карп, не урони!»

Чжоу Ци посмотрел на его пустые ладони, затем на его серьёзное, даже радостное лицо.

Он молча протянул руки и "принял рыбу".

«Хороший брат, поддержи её! Я за хвостом!»

Хэ Бянь уже "убежал" в камыши, сделал вид, что что-то там ищет, потом вернулся и снова протянул ладони:

«Готово, я её уже пожарил. Ешь, брат! Очень ароматная».

Чжоу Ци пристально посмотрел на Хэ Бяня. Ладонь у того была худой, желтоватой, с мозолями — совсем не похожей на руку юноши, скорее на руки, истёртые тяжёлым трудом и изнурительной работой.

Чжоу Ци протянул руку, будто поймал запечённую рыбу. Под ободряющим взглядом Хэ Бяня он поднёс её ко рту обеими руками.

«Вкусно, брат?»

«Угу».

«Вот и хорошо. Теперь, если ты наешься, больше не будешь голодать».

«Хорошо».

Хэ Бянь с облегчением выдохнул. Он уж было подумал, что дурачок перестал быть дурачком, но теперь видно — с головой у него всё ещё не совсем в порядке.

Но раз слушается и с ним можно общаться — уже огромное счастье.

После всей этой возни Хэ Бянь и сам почувствовал, как начинает подступать голод.

Два голодных человека вернулись домой. Ещё не войдя во двор, Хэ Бянь уловил аромат мяса.

В запахе смешались тушёная курица с соевыми бобами, свинина с солёной зеленью, тушёные свиные ножки с ламинарией и многое другое.

Живот урчал без умолку. Когда Хэ Бянь с Чжоу Ци вошли во двор, им показалось, будто в семье Тянь справляют праздник: пришло множество людей, каждый держал в руках мясные блюда, поданные на больших красных блюдах — таких, какие обычно используют лишь на жертвоприношениях или свадебных пирах.

Глаза Тан Тяньцзяо были опухшими от слёз. Она держала блюдо и сказала:

«Сяо Хэ, спасибо тебе, что смог пригласить духа предка. Это принесла немного еды — в благодарность. Я действительно нашла кувшин с вином под деревом тун».

Остальные тоже наперебой устремились вперёд, словно на поклонении предкам. Их взгляды, обращённые к Хэ Бяню, были полны угодливости.

Раньше, когда Хэ Бянь говорил, что может призывать предков, они воспринимали это как шутку — кто бы поверил всерьёз?

Но Тан Тяньцзяо по указанию выкопала зарытый кувшин с вином умершего мужчины, а Ван Саньлан, старая У и ещё несколько парней, с распухшими от пощёчин лицами, в спешке разнесли эту новость повсюду. Увидев это, люди невольно начали верить.

Кто такая старая У? Та, что не сдаётся, пока не увидит гроб — упрямая, как камень в выгребной яме: и вонючая, и твёрдая. В деревне она никого не признаёт, всех поучает и каждому найдёт, за что обругать.

А теперь она с распухшим лицом утверждает, что у Хэ Бяня действительно есть настоящий дар.

Решив, что лучше не откладывать, многие жители деревни принесли вещи, приготовленные для жертвоприношений, и пришли в дом семьи Тянь.

«Сяо Хэ, это я приготовила свинину с подливой, ешь побольше. Посмотри, какой ты худой. Мы всё слышали — какое же жестокое сердце у Чжан Мэйлинь! Если бы не защита предков, ты бы, боюсь, и жизни лишился. Если дальше будут трудности — обязательно скажи тётушке Цзиньхуа».

«Сяо Хэ, это свиные ножки из моего дома — мяса много, упругие, очень вкусные, отлично восстанавливают силы. Не живи больше у Чжан Мэйлинь, переезжай ко мне — я выделю тебе большую комнату, и мебель вся будет новая!»

«Сяо Хэ...»

Толпа шумела и галдела, обступив Хэ Бяня со всех сторон — вокруг стояла настоящая суматоха. Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсин не могли протиснуться внутрь и лишь беспомощно смотрели: тот, кто ещё недавно был частью их семьи, теперь казался далёким и недостижимым, словно чужой человек.

Эти люди, что привыкли подстраиваться под ветер, пусть бы поскорее убирались — им хотелось упасть на колени перед Хэ Бянем, извиниться и сказать, что они и правда осознали свою вину.

Но Хэ Бянь уже не слушал ни слова. Он смотрел только на Чжоу Ци, затем указал на расставленные на столе блюда и сказал:

«Ешь скорее!»

И чувство вины за то, что он обманывал дурачка, наконец исчезло.

Чжоу Ци, глядя на Хэ Бяня, который глотал слюну и от жадности даже прикусил губы до блеска, положил ему в миску куриную ножку.

<http://bllate.org/book/17226/1616177>